

ИРИНА СОЛОВЬЕВА

В потоке творчества:

МУЗЫКАНТ...

Ирина Михайловна Соловьёва
В потоке творчества:
музыкант... Терентій Травнікъ
в статьях, письмах, дневниках
и диалогах современников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26339564
ISBN 9785448574177

Аннотация

Вторая книга из серии «В потоке творчества: музыкант...». Материалы этой книги знакомят с музыкальным творчеством Терентия Травника. Здесь в подробностях отражен сорокалетний путь его служения Музыке. Рок-группа «Ноев Ковчег» и периоды ее развития, создание инструментальных проектов Esterra и Tetra. Знакомство с созданным Терентием звуковым направлением – sensoundmusic и с необычными свойствами его релакс-музыки. Судьба отдельных произведений, история студий «AMQ studio» и Lemur records.

Содержание

Раскрасив нотами свой мир...	9
Музыкальная биография Терентия Травника	11
Детство: «Пусть бегут неуклюже...»	11
Отрочество: «Во мне проснулась музыка...»	22
Юность: рок-группа «Ноев Ковчег», проекты Esterra, Tetra	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**В потоке творчества:
музыкант...
Терентій Травнікъ
в статьях, письмах,
дневниках и диалогах
современников**

**Ирина Михайловна
Соловьёва**

© Ирина Михайловна Соловьёва, 2017

ISBN 978-5-4485-7417-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Михайловна Соловьева

В ПОТОКЕ ТВОРЧЕСТВА:

МУЗЫКАНТ...

Терентій Травнік в статтях, письмах, дневниках
и диалогах современников

КНИГА ВТОРАЯ

КНИГА ВТОРАЯ

МУЗЫКАНТ...

T. TRAVNJK

... ..

ПОД
ГИТАРУ...

Раскрасив нотами свой мир...

Материалы этой книги знакомят читателей с музыкальным творчеством Терентия Травника. Здесь в мельчайших подробностях отражен сорокалетний путь его служения Музыке, начиная от первых шагов в детской музыкальной школе и заканчивая созданием произведений сложных симфонических форм. Из биографических статей вы узнаете о периодах возрастания Терентия как музыканта, пройдете вместе с ним путь от барда до высшей ипостаси служения – написания инструментально-симфонических произведений. Вам представится редкая возможность заглянуть на «творческую кухню» мастеров звука и прикоснуться к тайне рождения самобытных мелодических полотен.

Не отходя от традиции, мною продолжено размещение статей разных авторов, раскрывающих отдельные периоды в музыкантской судьбе Травника, начиная с рок-группы «Ноев Ковчег», которой он посвятил без малого двадцать лет, и до создания инструментальных проектов Esterra и Tetra. Здесь же читатель познакомится с новым, созданным Терентием звуковым направлением – sensoundmusic и с необычными свойствами его полифонического релакса; судьбой отдельных произведений и многообразием решений в виде записанных композитором альбомов, а также с историей таких студий, как «AMQ studio» и Lemur records.

Музыкальная биография Маэстро послужит для вас открытием еще одной грани таланта Травника. В Приложении №1 приведена полная дискография его музыкальных произведений.

Музыкальная биография Терентия Травника

Детство: «Пусть бегут неуклюже...»

Именно эту детскую песенку крокодила Гены, из любимого всей советской детворой мультика «Чебурашка», Терентий исполнил на прослушивании в детском садике, когда его попросили что-нибудь спеть. Историю о своем первом «неуклюжем» знакомстве с музыкой рассказал мне сам музыкант. Я слушала его и не переставала удивляться, как этот взрослый, степенный, седовласый, уверенный в себе мужчина, давно сложившийся как художник, поэт и композитор, со смущением и волнением в голосе вспоминал о своём первом вхождении в мир музыки.

Немного забегаая вперед, скажу, что маленький Игоряша от природы был очень стеснительным, даже «сверхстеснительным», по определению самого Терентия. Он все время старался держаться «в тени» и больше всего не любил выступлений на публике. И когда в тот, можно сказать, знаменательный для других день, педагоги, да к тому же ещё и в белых халатах, позвали его на прослушивание, первая его мысль была о том, как бы ему туда вообще не попасть.

Когда комиссия вошла в группу, и эти взрослые люди сели на детские стульчики недалеко от столика воспитателя, он моментально догадался, что пришла опасность, замер и заволновался, краем глаза наблюдая за их поведением, в то время, как другие дети весело и непринужденно возились на полу с игрушками. Его вызвали первым. Вообще-то ему «везло» на первого, и как бы он ни пригибался, ни устремлял взгляд в пол, всё равно постоянно на этом попадался.

Подойдя, он встал рядом с улыбочивым дяденькой и услышал его спокойный голос с вопросом, обращенным к нему: «Ну, как тебя звать? Какую песенку ты знаешь? Спой нам что-нибудь...». Игоряша упорно молчал и от этого ещё больше стеснялся и краснел, суча ножкой и накручивая уголок вылезшей из колготок рубахи на палец... Наконец-то он выдал из себя:

– Игорь...

– Вот и хорошо. Не бойся, Игорек, не волнуйся, пой, – подбадривал его мужчина, двигаясь к нему вплотную вместе со стулом и подставляя как можно ближе свое большое, красное ухо.

Не зная как, вероятно своим детским чутьем, малыш догадывался, что если и запеть, то это надо сделать как можно хуже, чтобы его оставили в покое. Это состояние души он хорошо запомнил. Обычно дети хотят, чтобы их заметили, любят выступать перед зрителями, ждут похвал, а он, ну совершенно этого не хотел, и надо сказать, что на это у него

были весьма серьезные причины.

Во-первых, он точно не знал, куда его заберут в случае успеха, как-никак, но педагоги пришли в белых халатах, как доктора. Он же не знал, что в то время всем пришедшим в садик полагалось одевать белые халаты; а во-вторых – он никогда, нигде и ни в чем особо не участвовал. Для него выступить с номером перед зрителями, покувыркаться, спеть, станцевать означало катастрофу – до слез иногда доходило, как он не хотел. К примеру, его зимой выбрали играть на новогодней елке медведя. «Ну, нет слов, что выдумали – мишка же неуклюжий!» – размышлял он. Это же позор перед ребятами, а для стеснительного мальчика вдвойне. Что тут ещё сказать? Короче: все это для него было очень и очень трудным.

А мужчина настойчиво продолжал обращаться к нему:

– Ну, давай, спой, не волнуйся. Какую песенку ты знаешь?

– Пусть бегут неуклюже... – тихо прошептал Игоряша в надежде, что его не расслышат.

Человек в белом халате ещё ближе придвинулся, наклонился так, что малыш носом уткнулся в бобрик его стриженной головы...

«И вот я начал петь, – вспоминает Травник. — Уткнувшись глазами в пол и покраснев, можно сказать, до колгот и шортиков, я сжал кулачки, глубоко вдохнул и с каким-то присвистом затянул песню любимого мною крокодила, варварски при этом коверкая ритм, и кромсая всё, что касалось

мелодии. Фальшивил самозабвенно, иначе и не скажешь. Мастерски! В общем, старался испортить и песню, и впечатление о себе, насколько был способен. Дойдя до слов: «почему я веселый такой...», я вдруг затих и расплакался. Мужчина обнял меня и почему-то рассмеялся, отчего я ещё сильнее заплакал.

– Ну ладно. Иди, – сказал он все тем же спокойным голосом, и чуть громче позвал следующего».

Основная группа детей перебралась в игротеху, и Игорь почти бежал к ним, боясь, что его вернут и опять чего-то попросят сделать.

Прошла неделя, и он, как нормальный ребенок, про этот случай забыл. А потом к ним домой пришло письмо. Это уже его мама рассказала мне – открывает она конверт и читает: «У вашего сына при прослушивании обнаружен...». Первое, что пришло ей в голову – туберкулез! Но потом дочитала до конца: «...великолепный слух. Приглашаем Вас прийти в музыкальную школу по адресу...». Людмила Георгиевна действительно испугалась, прочитав первые строки, подумала, что Игорь заболел. Он же рассказал ей только про белые халаты. О своем пении все детали скрыл. А тут нате вам – письмо, да еще и в школу позвали. Невозможно представить, какой ужас он тогда испытал. Игоряша что-то говорил маме, хныкал, упрашивал... Но его папа, игравший тогда в джазовом ансамбле, легко убедил жену в необходимости обучения сына, раз обнаружили слух. Это было полное и оконча-

тельное поражение для Игоря. Город, как он любит говорить в таких случаях, пал, флаги на башнях поснимали.

Дома ещё от прадеда сохранилось пианино, и он окончательно понял, что беды теперь точно не миновать, музыка взяла его в плен, и он вынужденно капитулировал. Все усилия маленького Игоряши не попасть туда, куда он не хотел, оказались тщетны.

Его без проблем берут в музыкальную школу в класс фортепиано. На мой вопрос: «А как же распознали, что у ребенка хороший слух, при том, что он старательно фальшивил?» – Терентий с улыбкой ответил:

– Видимо это были большие специалисты в музыкальном деле! Фальшь всегда слышна, но у меня-то она была особая. Дело в том, что любому музыканту известно, что если человек со слухом, то он и фальшивит музыкально. Если же без слуха, ему и фальшивить не надо, он и так не споеет хорошо. Оксана¹ мне позже подтвердила, что человек со слухом плохо не сфальшивит, даже если и захочет «петуха» дать или пустить «козла».

Несмотря на детские отчаянные слезы и решительный отказ заниматься музыкой, Игоря всё-таки в школу повели. Свое нежелание посещать занятия, он пытался объяснить тем, что школа находилась не в детском саду, а на приличном расстоянии от дома, в котором они жили, на малознако-

---

¹ Оксана Серебрякова – супруга Терентия Травника, закончила Гнесинское музыкальное училище.

мой улице, близ Новодевичьего монастыря. Но это был очень слабый аргумент в противовес найденному у него великолепному слуху.

Музыкальная спецшкола располагалась в старом двухэтажном здании. В ней царил не привычный уклад, как в обычной школе, а музыкальный: занятие здесь вел не простой учитель, а самый настоящий педагог, как его называли взрослые. Всё здесь было по-иному, начиная от доски с расчерченным на ней нотным станом, портретами и бюстами композиторов в классах, огромными гибискусами и пальмами в кадучках в фойе каждого этажа и до красных ковровых дорожек по всей длине нескончаемых коридоров. Эти обстоятельства больше пугали маленького Игоряшу, нежели располагали к занятиям. Первое его впечатление от школы было таким:

«Мы пришли туда зимним вечером. Шли по безлюдной, плохо освещенной улице. Вошли, а потолки-то высоченные, кругом ноты нарисованы на стенах. Помню, нас встретила женщина в черном платье с белым, наглухо застегнутым воротничком и такими же манжетами, и сразу повела к директору в кабинет. Идём, а кругом металлофоны „звенькают“, слышны хрипы пиликающих скрипок и „дудение“ на трубе. Ну, в общем, никакой музыки особой не было, а только так, шум сплошной. Классы были приспособлены для разных занятий, но что смущало больше всего – это то, что все дети были совершенно незнакомые. Первый месяц прошел быст-

ро. Сначала на пианино никому не разрешали играть, и я, как все, играл месяца два на металлофоне».

Игорь пошел в музыкальную школу лет с пяти-шести, еще в детском саду, даже не став первоклассником. Отношение к инструменту на тот момент у него было такое: «Я на дедовское пианино больше забирался и ползал по нему, да в солдатиков на нем играл. В общем, оно выполняло какую угодно функцию, кроме своего прямого назначения. Я и не открывал его особо, и не знал, что у него внутри. А потом мне на семилетие, в связи со школой, ещё и официально его подарили, сделав табличку с гравировкой, прикрепив ее на обратной стороне крышки: „Игорю в день 7-летия от бабушки и бабушки“. К моменту поступления в первый класс я уж с год, как прозанимался в музыкалке».

Окончил Игорь в музыкальной школе пять классов, при этом параллельно занимался с преподавателем, в общеобразовательной школе, которая вела уроки музыки. Педагогом она была, что называется от Бога – очень талантливая, и ее тоже звали Людмила Георгиевна, как и маму нашего героя. Учительница взялась подтянуть «слухача» по сольфеджио, заметив, что ребёнок «безумно талантливый, но при этом ужасно ленивый». Терентий считает, что «она была абсолютно права по поводу его лени, потому что музыку он тогда, в полном смысле, почти ненавидел, она для него была в то время, что называется «хуже некуда».

Терентий Травник за домашним фортепиано. 2000 г.

Он не учил уроки, уваливал от занятий, домашние задания делал кое-как, и поэтому родители вынужденно привели его к Людмиле Георгиевне на дополнительные занятия, т.к. он изрядно отстал в музшколе, благодаря собственной лени. Людмила Георгиевна тянула его по музыке, как могла, а могла она даже очень хорошо. При встрече она говорила маме Игоряши, что у него хорошие композиторские данные:

– Он сочиняет мелодии и неплохо подбирает на слух, но совершенно не любит играть по нотам. Если из него и получится музыкант, то только уличный.

Этот факт Терентий признает и подтверждает: «Да, ноты я, действительно не любил, не учил, и они были для меня просто ужасны. Я даже имя им придумал – «вражья пе-

хота». Они полностью съедали всю мою свободу и желание бесконечно импровизировать на фортепиано, купаясь в океане звуков. Учительница, конечно, как могла, поддерживала меня, называя талантливым, но ужасно ленивым мальчиком – просто «несносным лентяем с композиторскими данными и замечательным слухом». Она считала, что у меня «большие перспективы в музыке», но при этом добавляла: «Если не будет лениться и начнет-таки учиться играть по нотам».

Терентий нигде так больше не ленился, как в этой самой музыкальной школе. И все потому, что он музыку почему-то не любил. В то время у него были другие планы по организации своего досуга и иные увлечения: рисовать-то он не ленился, а всё потому, что – любил. А музыкой нужно было заниматься, причем долго, упорно и методично, приложив все свои усилия и старания к приобретению и закреплению музыкальных навыков, постоянно играя гаммы. Рисование было ему дано сразу, от рождения. Оно хорошо получалось, и не нужно было особо этим заниматься – взял карандаш и рисуй. А в музыке нельзя сесть за инструмент и просто по клавишам стучать – здесь надо было за-ни-мать-ся, напрягая при этом всё: и голову, и уши, и пальцы, запоминать ноты, синхронизировать исполнение обеими руками, т.е. делать немалые усилия над собой.

У Игоря были свои, куда более интересные мальчишеские дела: после школы он с ребятами занимался возведением го-

родов из песка, сказочными путешествиями по переулкам, лазанием по чердакам и подвалам, хождением по таинственным картам в поисках сокровищ, игрой в геологов, астрономов, археологов, биологов и... поджиганием помоек. И вообще он любил после школы – гулять!

На выполнение домашнего задания у него уходило не более часа. Как правило, он сразу после школы делал уроки, не откладывая на вечер, тут же собирал портфель и дальше, где-то с трех-четырёх часов дня и до десяти вечера, была только улица – его отдушина, его радость, его жизнь.

Улица – это было всё и даже больше для всех ребят, и не выйти на улицу – означало для каждого преступление и предательство всего мальчишеского братства. Ну о какой улице могла идти речь, когда его два раза в неделю с четырёх и до шести соседка Клавдия Львовна водила за ручку помимо основных занятий по музыке, ещё и на дополнительные. Чтобы добраться до школы, надо было переходить улицу Плющиху, и его одного пока не отпускали: машины всё-таки, а он маленький, вот за ручку и водили.

«Представь, каково мне было, – обращается Терентий ко мне. – В то время, когда все ребята гуляют, перекрывают ручьи, плотины строят, помойку поджигают или камни швыряют в лужи, делая взрывы, меня с кожаной папочкой, в которой нотки лежат, бабушка мимо них за ручку на эту самую музыку тащит. Слышу, Саша Басов кричит: «Игоряныч, привет, давай быстрее к нам! Сейчас плотину будем вскры-

вать!» А Коля Игумнов, с каким-то сожалеющим презрением машет рукой и поясняет ему, да так, чтобы я непременно услышал: «Да музыка у него, Сань! Не знаешь, что ли!..»

Отрочество: «Во мне проснулась музыка...»

Время летит незаметно и делает своё далеко «не временное» дело. Только через пять лет, после упорных занятий такой нелюбимой для него музыкой, Терентий осознал: «Какое счастье, что меня водили в музыкальную школу! И пусть не научили всему, что требовалось от её ученика, и моя лень-таки отхватила положенное, но что-то немаловажное в моей душе все же произошло».

Верно говорят, что научить что-то делать хорошо без желания самого обучаемого нельзя, а вот научиться ему самому чему-либо, вполне возможно. Терентий продолжает:

«Да, я неплохо играл сочинения Баха, какие-то простые его вещи, играл произведения для детей Чайковского, и довольно „кривенько“ Моцарта. Хотя музыке меня не доучили, но развили и закрепили слух, и самое, пожалуй, главное – музыке удалось меня в самом прямом смысле влюбить в себя. И когда я стал старше, где-то класс седьмой-восьмой, то во мне она проснулась и заявила о себе во всеуслышание. Да ещё как заявила! Я просто бредил ею, мечтал о гитаре и как замороженный смотрел на ребят, которые умели играть на ней и петь».

Все началось в пионерском лагере. Ребята ходили на танцы, слушали музыку и подбирали услышанные мелодии

на гитаре, а он им подсказывал, какую ноту взять. В один прекрасный момент Игорь заметил, как его «уши слышат всё, что касается музыки». Его уши чувствовали красоту мелодии, тонкости игры, слышали, как поют и как фальшивят исполнители. Он без ума был от игры на гитаре вожатых и пионеров, которые делали это мастерски, и куксился при явном горлопанстве. Он так страстно хотел освоить гитару, что упросил родителей купить её для него.

Москва. Бирюлево Западное. Фото из газеты «Вечерняя Москва». 1979

Когда Игорю исполнилось тринадцать лет, его семья переехала на новую квартиру в Бирюлево-Западное, и родители подарили ему первую в его жизни гитару. Это была известная на весь Советский Союз «шиховская²», и стоила она

---

² Название идет от известной на весь Советский Союз Шиховской гитарной фабрики, что под Звенигородом. В свое время, это производство было одним из лидеров по выпуску гитар (до нескольких десятков тысяч гитар в год). Фабрика была закрыта в 2007 году из-за нерентабельности.

тогда шестнадцать рублей. Обучение давалось нелегко, хоть он и учился в музыкальной школе, но по классу фортепиано. Гитара была семиструнная, шестиструнных, по его словам, тогда было не достать, но одну струну можно было все-таки снять, распилить порожек под шестиструнку, перестроить и играть. «Всё ничего, – поясняет Терентий, но на ней ещё и струны стояли почему-то не пойми как, что было в духе мелкого брака советского времени: вместо нормального комплекта струн стояли две первых, одна третья, две четвертых и две седьмых».

Но тогда он толком этого не понимал и, не зная ни одного аккорда, выдумывал свои. Игорь целыми днями бренчал, подражая пионерским «лелям», исполняя на свой манер популярные в то время песни, которые услышал в местах своего летнего отдыха и успел к этому времени выучить. Пелось все: от знаменитых «Лица стёрты, краски тусклы...» группы «Машина времени» (то, что песня называлась «Марионетки», тогда мало кто знал) и до дворово-надрывных лирических баллад, типа слезливых «Зазвонят опять колокола», «На что похожи облака» и «Попавшего под рыбацкий борт дельфиненка». Он зажимал на грифе что-то вроде аккорда, и ему казалось, что все звучит удивительно красиво и даже гитара почему-то строит. Его тяга к игре была такова, что абсолютный слух, видимо, не возражал, предоставив возможность «гению» состояться.

Так он «проиграл» с месяц, пока кто-то из знатоков не на-

мекнул ему, что у него гитара с разными струнами, а отсюда и полный, как выражались доки, «нестроевич», да и пел он полную, по их словам, лажу:

«Что за аккорды берешь? Ты откуда это всё надыбил?» – по-свойски возмущался тогда спец Вован. Игорь, интеллигентный мальчик, откровенный тихоня, напустив на себя «отвязно-оторванный» вид, небрежно и с достоинством кинул ему в ответ: «На своих!»

А «на своих» наш гитарист играл по большей части дома и в основном для бабушки Марии Васильевны, которая, сидя на кухне, размачивала сушки в спитом чае, слушала и с умилением приговаривала: «Хорошо-то как, внучек! Ай-да молодец!». Вот он и старался наяривать и голосить ей «лагерные» зонги: «А вокруг такая тишина...» или «Сегодня битва с дураками» из репертуара Макаревича, и еще что-то подобное: «Кто виноват, скажи-ка, брат...»

Но пришла пора, и будущий бард, как-то неожиданно для себя понял, что не может дальше играть без нот и правильных аккордов. Вместе со своим соседом по дому Ваней Ламочкиным – Ваню, как его называл Терентий, они занялись взаимным самообучением на гитаре. Ваню купил себе гитару, и все дни напролет ребята «лабали» от души, к тому же умудрились привлечь к обучению и друга Игоря по старой квартире Колю Игумнова. Тот давал уроки по телефону: учил какую струну и каким пальцем нужно зажимать, а за какую дергать, если играть перебором, чтобы «клево» звучал

«Дом восходящего солнца».

«Я настолько полюбил гитарную музыку, – рассказывает Терентий, – что в первый месяц стёр свои пальцы до кровавых мозолей, т.к. струны стояли высоко от грифа. Но я очень сильно хотел научиться играть! Пальцы опухли и болели. Проложив кое-как их ваткой, и надев напальчники, я и по ночам потихоньку музицировал, терпя боль. На пальцах левой руки образовались мокрые волдыри, вскоре они лопнули и засохли. Не дожидаясь, пока пальцы заживут, всё время игрой бередил раны. Только месяца через два у меня сошли мозоли – настоящие корки. Зато потом пальцы стали мягкие, пластичные и совершенно не болели, видимо адаптировались, и от этого я был благодарен сразу всему на свете».

Два года спустя, в 1979 году, когда появилась школьная группа «Ноев Ковчег», Игорь играл в ней не только на фортепьяно, но ещё и на гитаре. И что самое главное, он освоил ноты, мог свободно сочинять и записывать мелодии. С этим умением он быстро завоевал авторитет среди одноклассников, особенно среди его «шпанистой» прослойки.

Он как-то разом почувствовал свое превосходство и явную пользу от того, что музыкально образован. Наконец-то у него появилось то неоспоримое личное преимущество, которого никто не имел среди его ровесников: он умел играть на гитаре, на фортепьяно, мог объяснить, что такое «ля минор» и «до мажор», и точно подобрать к мелодии аккор-

ды, или, как говорили тогда: «грамотно снять гармошку», что вызывало неоспоримое уважение к нему одноклассников, и конечно же, привлекало внимание девчонок.

Музыка! Это и было тем необходимым «вещдоком» для выживания на улице, когда тебе пятнадцать. Ведь до этого ничего приметного, кроме примерного поведения, хорошей учебы и проглядывающего сквозь поросль юной личности таланта, он предъявить не мог. Сверстники, скорее всего, не поняли бы. И если талант, в силу своей видимости, представлял хоть какой-то социальный вес, то ни учеба, ни тем более поведение не ценились тогда совсем, впрочем, как и сегодня. В остальном же, когда нужно было хорошо прыгнуть в длину, сигануть на «физ-ре» через коня или ловко кувыркнуться, он изрядно отставал, и по его выражению у него это получалось «через пень колоду»: «Я был неспортивным, стеснительным, неуклюжим, одним словом, «не курил», а это плохо. Откровенно говоря, в то время никто в классе особо и не курил, а так – покуривали.

Произошло осознанное вхождение в музыку: играл по многу часов, слушал магнитофонные записи, подбирал партии гитары и баса, разучивал их, и так целыми днями.

Возвращаясь немного назад в своем повествовании, Терентий продолжил рассказ о своем друге Иване Валентиновиче Ламочкине – Ване, который сегодня живет в Канаде. Когда он купил себе гитару, то ребята организовали свою концертную программу «Иван и Игорь», или сокращенно

«ИиИ», и начали проводить домашние выступления. Ваня быстро обучился игре, купил «звучок» – звукосниматель на гитару, точнее темброблок, и они вдвоем подключились к единственной стереорадиоле папы Травника. Мама Игоря принесла с работы списанные барабаны, ей их просто отдали, купив новые. Папа, который еще в молодости был ударником в любительском джазовом оркестре, быстро их освоил, и они втроем: Иван и Игорь на гитарах, а Палыч на барабанах, вернее, на одном барабане (ведущем), а точнее «ритмаче», с тарелкой и «чарликом», чарльстоном играли домашние буги-вуги. Довольно быстро у них сложился свой репертуар от Фэтса Домино и Чака Берри, Нейла Сedaки, до «Коробочки».

Школьный друг Травника Ваню (Иван Валентинович Ламочкин)

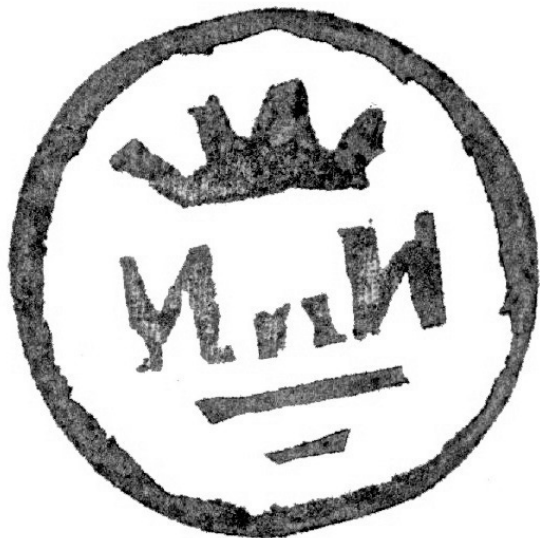
Музыканты собственноручно делали программки и приглашали соседей по дому. Концерты состояли из двух отделений и проходили у Травника дома в большой комнате. Остались фотографии, где Иван и Игорь стоят с гитарами, а папа сидит рядом за барабаном на фоне пианино. Дело спорилось. По заказу они подбирали известные мелодии, Ваня солиро-

вал, а Игорь создавал аранжировку, сопровождая его соло игрою на ритмгитаре. У Травника по сей день сохранилась одна афишка того времени. Они их рисовали сами и раздавали всем желающим, билеты тоже выпускали сами.

Печать для них вырезал дедушка Игоря, Георгий Григорьевич. За билеты брали не деньгами, а сладостями – пастилой, конфетами, пирожками, пряниками. Несмотря на то, что уже были «большими», как-никак 7—8 класс, но к сладостям все же не были равнодушными. Вообще ребята были очень домашними, интеллигентными детьми, хорошо воспитанными в лучших традициях советско-аристократического времени, к тому же оба уроженцы центральной Москвы, один с улицы Веснина, другой с Ростовских переулков. Им было по четырнадцать лет, и они больше не шлёндали по улице, не болтались по помойкам и не торчали друг у друга допоздна, как в раннем детстве, а давали домашние концерты в духе почти забытого старосветского музицирования.

В репертуаре были шлягеры того времени: «Генералы песчаных карьеров», мелодии оркестра Поля Мориа, музыка из кинофильмов, вариации на темы русских народных песен и революционные песни. Без этого никуда! За окном стояло время коммунистического нигилизма и социалистических надежд. Играли только мелодии и совсем не пели. Все это было по-настоящему замечательно и от души. Такие выступления сослужили хорошую службу: вскоре Игоря пригласили в рок-группу его одноклассники. Из его воспоминаний:

«... всё произошло мгновенно. Отточенное стаккато готовилось перейти в долгое и красивое легато будущего композитора. На горизонте восходило солнце рок-музыки, и наступала эра дерзких парней с гитарами и в пятидесятисантиметровых клешах».

Юность: рок-группа «Ноев Ковчег», проекты Esterra, Tetra

В группу «Ноев Ковчег» («НК»), имеющую ранее название «НЛО», Игорь пришёл уже с опытом игры на гитаре. Его пригласили одноклассники Дмитрий Воронов и Леонид Чертов, которые первыми и создали этот проект. Всё случилось в восьмом классе. Ребята, теперь уже втроем, реорганизовали прежний состав, но не для выступлений в школе, а скорее для собственных записей на магнитофон.

Сама группа далеко не сразу обрела название «Ноев Ковчег». Предложений было немало, и помимо ранее упомянутого «НЛО», рассматривались еще «ИДЛ» и «Рубль на дороге», точнее «Rubl on the Road». В те годы была очень популярной шотландская поп-группа «Middle of the Road», пришедшая в Союз с конца 60-х начала 70-х годов прошлого столетия, и ребята переименовали ее название на свой лад: «Рабл он зе роуд», даже значки делали с «Рубль на дороге» и носили на лацкане пиджака школьной формы.

Позже пошли и другие предложения. Леонид хотел что-то вроде «Почтамта», «Теле-Графа» или «Фонографа», Дмитрию было всё равно, а Игорь предлагал двойные названия – «Бежин луг», «Дети подземелья» и, наконец, «Ноев Ковчег». Это название приняли не сразу, утверждалось оно непросто, и только после окончания школы, уже в институте, название

прижилось, в частично обновленном составе группы.

НОЕ. Слева: Дмитрий Воронов, Леонид Чертов и Игорь Алексеев. Москва. 25 мая 1981 г.

Разница между игрой с Ваном и записями с «Ковчегом» была принципиальной и заключалась в совершенно разном подходе к творчеству. Когда Игорь пришел в «НЛЮ», ребята могут, и не умели хорошо играть, но в отличие от дукэта «ИиИ», писали собственные тексты и, пусть простую, но свою музыку, а это, по мнению Терентия, «ставило всё дело в качественно иное музыкальное русло. Это было нечто!»

Барabanщиком был Леонид Чертов, а Дима Воронов бас гитару осваивал. Они были достаточно далеки от настоящей музыки, но то, что терпеливо изучали её премудрости и проникали во всё новые и новые тонкости этого непростого де-

лания, было явным свидетельством их преданности занятию музыкой. Начинающие музыканты были полностью погружены в мир творческих идей, а это и есть тот самый, существенный аргумент, чтобы заниматься музыкой безо всяких допусков. Одно то, что ими был перепаян «детскомировский» одноголосый органчик «Малыш» в синтезатор, уже говорит о многом. Он хоть и не строил, но в песне «Город призрак» звучал очень прогрессивно.

Действительно, с самого начала, с восьмого класса школы, группа не играла, как большинство школьных команд того времени известные советские песни, а исполняла только свои. Их ранние тексты звучали, конечно же, наивно: «Бирюлево, Бирюлёво, не знаем места мы другого...» или «А на кладбище живет поп, он суеверных гонит в гроб», а потом были стихи и про «семьдесят девятый элемент» – золото, и про НЛО, как никак имя их команды, и про Чили – «страну у ласкового моря», попавшую под кувалду пиночетовского путча, про город-призрак, колесо удачи и многое другое.

Со временем появились более интересные тексты, которые продолжали писать Дима и Леонид. «Ноев Ковчег» стремительно развивался, и его взлет пришелся на десятый класс школы и первый курс их институтов. Увы, но учеба в вузе сбила с них яркий пыл успеха, ребята разбрелись по разным сторонам, ждавшей их науки.

Поэт и барабанщик «Ноева Ковчега» Леонид Чертов. На заднем плане картина Т. Травника «Пороки». 1984 г.

Дима, а в группе его звали «Дэн Фогель» поступил в МИРЭА, Леонид (в группе Лестер фон Линнельман) в МТИЛП, а Игорь (Ирвин Алексбергер) в МЭИС, Ваню (Жан Камельшафт) поступил в МЭИ.

Подъем популярности уже травниковского «Ноева Ковчега» пришелся на начало 90-х годов XX столетия. В этот период Терентий начал писать свои, ставшие быстро популярными песни, которые любимы и по сей день. Состав его музыкантов постоянно обновлялся. Какое-то время в группе на клавишных играла и жена Травника, Оксана Серебрякова. После четырехлетней утряски, «Ноев Ковчег» полностью встал под лидерство Терентия Травника. Репертуар команды

состоял из его песен, звучащих преимущественно с акустическим оттенком. На дальнейшее формирование «Ковчега» теперь оказывали влияние такие музыканты, как Борис Гребенщиков, Майк Науменко и солист хипповой группы «Выход», которого Травник считает идеологом нового звучания «Ковчега». Напомню первый состав «НК»: Дмитрий Воронов (бас, вокал), Леонид Чертов (ударные), Игорь Алексеев (гитара, ф-но) и сессионные музыканты Владимир Горчаков (вокал), Юрий Царев (бэк-вокал), Олег Савин (бас) и Сергей Баранчиков (соло-гитара) был, пожалуй, самым стойким, но с середины 80-х он начал стремительно меняться и меняться, надо сказать, многократно.

У «Ковчега» есть диск, где при записи было человек двадцать. У Игоря был особый подход к этому делу. Состав мог быть и в два человека.

Запись в дом студии. Слева Дмитрий Воронов, Сергей Баранчиков, Леонид Чертов и Игорь Алексеев. 1983 г.

Скажем, он мог записать песню вдвоем с кем-то, и это уже состав. В следующий раз писал уже с шестью гитаристами, каждый прозвучал по нотке – вот и еще состав. «Кто-то что-то сыграл, топнул, свистнул», он и брал его в состав. Так однажды и получился «составище» почти в двадцать человек. Как-то раз пришла к нему домой одноклассница, будущая поэтесса Катрин Замосковная (Катя Беатус-Коварская) с дочкой Ариной. Дочке было месяцев пять, она гулила и заливалась детским смехом, а он записал это на пленку и смикшировав, включил в альбом. Катя спела псалом на свои стихи и музыку. Вот и опять состав исполнителей пополнился и поменялся. На обложке было написано: «Гуление – Ари-

на Замосковная». Терентий же не концерты играл такими составами. Речь шла просто о сессионных исполнителях – студийщиках – это такие музыканты, которые хоть и играли в «Ковчеге», но писались только на студии. Ноевцы все-таки больше работали на запись и скорее были студийной группой. Думаю, они и на слуху сохранились именно поэтому.

Записывались все больше дома. Для этих целей у Терентия собралась немалая коллекция музыкальных инструментов, которыми приглашенные сейшнмэны пользовались при записи. Позже, основную часть собрания он подарил своему другу, музыканту Олегу Додонову (Додо) и его студии «Dodo records». В распоряжении ковчеговцев были фортепиано, электроорган, губные гармошки, мандолина, балалайка, четырехструнное банджо, скрипка, гусли и гиджак, плюс ко всему три вида продольных флейт – альт, сопрано и тенор – производства ГДР; бонги, треугольники, бубны, трещотка, маракасы, кастаньеты, две полуакустических джаз-гитары, ленинградская акустическая двенадцатиструнка, две электрогитары – бас и соло. В общем, все, что необходимо для настоящей звукозаписывающей студии и полупрофессиональной записи. Все инструменты активно использовались командой, плюс ко всему микрофоны, стойки, комбики, микшер и усилитель. Терентий выдавал инструменты музыкантам, потому что те не всегда приходили на запись со своим, хотя у профессионалов конечно же был свой «крутой» инструмент.

Входившее в коллекцию покупалось в «гэдээровском» магазине «Лейпциг» в Москве, в «музыкалке» на Неглинке и в ГУМе в отделе музтоваров, стоящем в одном ряду с хозтоварами, канцтоварами, промтоварами и т. п. Вот такое было время. Шиховская (первая) гитара хранилась Терентием, но в записях больше не использовалась. Однажды во время репетиции произошел казус: гитара лежала на кровати и барабанщик Леонид по неосторожности, плюхнулся на нее и продавил. Вот таков конец легенды.

Терентий Травник. Концерт в Ясенево. Фото 15 января 1992 г.

Для Терентия это послужило уроком, и в дальнейшем он больше не оставлял инструмент так, а ставил его аккуратно на сторонку, прислонив грифом к стене и повернув к ней же

верхней дэкой, как и положено. Позже появилась чешская «Стемона», списанная из красного уголка ЖЭКа, но она оказалась «некондишн». У нее не регулировался гриф, струны были высоко, и игра на таком инструменте была сплошным мучением. После «чешки» – болгарская «Орфей», потом джазовый «Орфей» с прорезьями-эфами на дэке и расцветкой «сан бёрдз», далее джазовый «Орфей», который у него благополучно «умыкнула» одна из поклонниц «Ковчега». В общем, что тут скажешь, как любой подлинный музыкант, Травник искал «свою гитару», пока, наконец, не приобрёл ее через Евгения Савицкого, знакомого барабанщика из коллектива певицы Елены Демидовой, немецкую гитару Classic, которая в то время была абсолютным дефицитом. «В 1991 году ко мне-таки пришел тот самый долгожданный Classic за „девьянсто рэ“, который со мной и остался на долгие года музыкальных странствий», – уточняет Терентий. Гитара и сегодня висит у него в комнате на стене, вся «расписанная» им и удивительным временем хиппизма, трубадурства и свобод. Терентий, нет-нет, да и возьмет ее в руки, пройдетя по струнам аккордом «Цэ дур», а та отзовется и зазвучит своим трогающим сердце, мелодичным голосом вечной тоски по так несвоевременно ушедшей для всякого музыканта юности.

Первые выступления, разъезды и гастроли рок-группы «Ноев Ковчег» развернулись с начала 90-х. Парадоксально, что они начались в то время, когда шел к завершению период

хиппи в жизни Терентия, т.к. в его судьбе появилась духовная составляющая – религиозная. Странно, но именно тогда «Ковчег» активно начал гастролировать – с 1992 по 1995 годы. На эти три-четыре года приходится основная часть поездок и выступлений группы:

«С Ковчегом я ездил везде. Нас знали и звали на „флэта“ во Владимир, Рязань, Тулу и Смоленск. Были „сэйшены на флэтах“ или, как сейчас сказали бы, „квартирники“, были и клубные выступления. Играли джемсейшны, выступали в селах и деревнях Подмосковья прямо в поле. В архиве сохранилось много фото и записей тех лет. Вот так мы и жили, – завершает Травник, – гастролировали со своим счастьем в обнимку, не забывая о призвании, принося „смех и радость людям“. Жить и творить с такою судьбою, шлёпая по ковру цветочных полян и между стен сосен-великанов, повелела нам наша мама-Музыка».

Слушаю Травника, и сама вспоминаю этих патлатых ребят. В моей школе много было таких, но не хиппи, а так, «прихиппованных» гитаристов. У нас, девчонок, всё было спокойнее. Всё-таки это удел пацанов: бороться, искать, найти и не сдаваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.